

Л

ЛАНЬ. Через образы Л., серны (газели), козы, лося Р. раскрывает свой нравственный и эстетический идеал. «В стихию» души Р. наравне с коровой входит грациозная, первозданная в своей красоте «благородная лань» как символ его ласковой и нежной души: «И вдруг выходит лань, да такая точная, с тонкими ногами, с богозданными рогами, ласкающаяся, кладущая людям на плечи морду с такой нежностью и лаской, как умеет только лань» (ОПП, 194). Л. как символ души предстает здесь в образе, близком библейскому: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 412). Образ пугливой и быстрой серны (газели), навеянный романами Т. Майн Рида, для Р. — метафизический символ его внутренней свободы, уединения — «благодетельной и благородной “трусости, которая защищает от мира”» и является такой же основополагающей чертой человеческой природы, как храбрость в образе льва: «“Едва завидев точку, она уже скрылась”. “Точка” — это охотник на горизонте; “она” — серна, газель <...> И Бог, сотворив “крепкое копыто” (для убеганья) у газели, — подал ей в этом такой же щит, как льву в зубах. “Трусость” есть Божий дар, — счастливый и вполне благородный, обеспечивающий нашу свободу, уединение и покой. Наше счастье. Наконец, — нашу философию <...> Жажда пустыни и быть “одному”. Мудрейшее устройство “копыта”» (ЗРП, 382–383). В грациозности козочки Р. видит проявление чистой, неутилитарной эстетичности: «Есть странности у животных... манеры, что-то “в крови”, и, вернее, “в породе”. Например — козочки: инстинкт встать на самое узенькое, маленькое место, где чуть-чуть только можно поставить 4 копыта рядом. 4 точки: и тогда она стоит долго на одном месте — с явным удовольствием. Действительно. Это что-то художественное. У животных есть некоторые движения, позы маленькие, явно имеющие в себе пластику и без всякой “пользы”» (СХР, 44). В древнеегипетском трогательном изображении козочки с козленочком Р. видел нежное, глубокое, умиленное выражение «сущности материнства», отражение египетского идеала семейственности, которая, по Р., лежит в основе египетского почитания животных: «Египтяне усетрились козам и обратились козлам. Шла какая-то музыка 4000 между животными и человеками» (ВЕ, 131–132). Сострадание, жалостливая любовь Р. к погибающему лосю вызывает у него ропот на Творца: «Зачем Ты сотворил хищных. И сову, и ужасную рысь. Как она, маленькая, поедает громадного лося. И пьет кровь из него.

И истощенный лось падает и умирает. А они все гадкие и маленькие прибегают и едят мясо его» (ПЛ, 176).

А.А. Медведев

ЛАСКА. По мнению Р., «“Где ушибемся, там и болит”: не от этого ли я так бесконечно люблю человеческую связанность, людей в связанности, во взаимном милновании, ласкании» (У, 57). С жизненным опытом к Р. пришло понимание ценности доброты и Л., всего того, что «в старости ложится светлой, светлой полосой» и «утешением» (У, 75) на душу. «Только в старости узнаешь, что “надо было хорошо жить”. В юности даже это не приходит на ум. И в зрелом возрасте — не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, — о деликатном отношении — единственный “светлый гость” в “комнату” (в душу)» (У, 75). Р. считал, что «дух ласки и теплоты» у людей есть великий дар Творца. «Потому что ведь что же может быть выше христианства <...> Но что вы разумеете под христианством? — То же, что все: дух мира и любви, дух прощения; дух ласки и теплоты» (КНУ, 21). По мнению писателя, без Л. в отношениях людей нет глубины, поэтичности и священности. Л. привносит «теплую улыбку» в красоту высокой нравственности, которая без этого бы обратилась «в вексель на предъявителя» (ОЦС, 363). «Ну, пусть добродетель лучше эстетики. Но ведь, позвольте, для чего же эстетику представлять в римско-греческих контурах, “с закрытыми глазами” (античные статуи) и мраморною, когда ее можно представить совершенно иною, теплою, с улыбкой, лаской и лепотью. Разве нравственное не лучше тогда, когда оно в то же время и красиво?» (КНУ, 40). Без Л. невозможно государственное управление, одними строгими запретами и приказами «с обществом управиться» нельзя. «Обществу поэту ужасно трудно приказывать: его нужно нежить, ласкать, что-то нашептывать ему. С обществом управиться... нет, нужно предоставить управлять им поэта, мудрецам, ну — первосвященникам, более всего пророкам, и вовсе отказаться от этой мудреной и неисполнимой задачи государству» (КНУ, 39). Р. убежден, что любовь не может быть без милосердия, и «дух ласки и теплоты» не может существовать без «духа прощения». «Народ имеет более “трогательную” душу, чем общество: и это, кажется, все чувствуют, что высказывается в том, как все жалеют народ, простолюдина, как относятся к нему ласково, как склонны прощать его в заблуждениях, в ошибках, в грехах» (ОНД, 307). Р. убежден, что у